

МИХАИЛ МИШИН

С КЕМ СЕБЯ
И ПОЗДРАВЛЯЮ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М71

Фото на четвёртой стороне обложки *Александра Качкаева*

В книге использованы фотографии Юрия Роста,
Дмитрия Чунтула и из личного архива автора

Мишин М. А.
М71 С кем себя и поздравляю / Михаил Мишин — Москва :
КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. — 264 с. : ил.

ISBN 978-5-389-31505-1

«Решил собрать в книжке некоторых людей, повлиявших на биографию», — пишет в предисловии Михаил Мишин. Известный писатель, драматург, переводчик, лауреат многих премий в области сатиры и юмора включил в этот сборник тексты, посвящённые его знаменитым друзьям и коллегам. Среди них — Аркадий Райкин, Михаил Жванецкий, Александр Ширвиндт, Марина Неёлова, Семён Альтов, Эльдар Рязанов, Григорий Горин, Аркадий Арканов, Михаил Козаков, Зиновий Гердт, Клара Новикова, Юлий Ким. Также в книгу «С кем себя и поздравляю» вошли встречные послания, адресованные самому Михаилу Мишину.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-389-31505-1

© Михаил Мишин, текст, фото, состав, 2026

© Качкаев А., фотография на обложке, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

Предисловие

Путь пролегает не в пустыне.

Родился — вокруг люди.

С первой секунды — движение среди других. Видишь их, слышишь, касаешься. Соединяешься, убегаешь, возвращаешься, догоняешь. Каждая встреча влияет, каждое касание шлифует, каждое столкновение оставляет след. Можешь не сознавать, можешь не признавать, но тобой тебя делают другие.

Моя биография рассказывается за десять минут. За пятнадцать — со сносками и примечаниями. На двадцатой минуте припомню лучшее — то есть чего не было. На двадцать пятой жизнеописание может обратиться в некролог.

Пока этого не произошло, решил собрать в книжке некоторых людей, влиявших на биографию. Имена одних известны городу и миру,

других — только городу. С кем-то жизнь соединяла плотно и надолго, с кем-то мимолётно.

Содержание книжки — благодарность им всем.

Форма благодарности — приветствия, посвящения и здравицы. Поводы случались всякие — вручение награды, премьеры, юбилей. А иногда повода не требовалось.

К одним я обращался единожды, к другим — по несколько раз.

Кому-то мог бросить восхищение в лицо.

Кому-то отправлял почтой.

Для кого-то оно становилось уже прощальным поклоном.

Тексты, посвящённые разным людям, сочились в разные эпохи. В античности писал их авторучкой, в средневековье — на пишущей машинке и вдруг очутился в будущем, где их придумывает компьютер, а читает нейросеть. Время не оставалось безучастным — меняло характеры, отношения, взгляды. Но ни в одном тексте не изменил ни слова.

Были сомнения, включать ли в книжку встречные послания — мне от тех, о ком писал я. Посомневался — и включил. Не только потому, что эти послания тешат моё самолюбие — ещё бы! — но и потому, что они высвечивают благосклонную снисходительность их авторов.

Тексты для порядка разложил географически — по местам встреч с героями книжки. Разделение, впрочем, условное. А безусловно то, что каждая такая встреча была и остаётся подтверждением моей неслыханной везучести.

С чем — а точнее с кем — себя и поздравляю.

Handwritten signature consisting of two stylized, overlapping capital letters 'M'.

АРКАДИЙ РАЙКИН
МАРИНА НЕЁЛОВА
СЕМЁН АЛЬТОВ
ЯН ФРИД
АЛЕКСАНДР ЖИТИНСКИЙ
ВАДИМ ЖУК
ЮРИЙ НИКУЛИН
АЛЕКСАНДР ВОЛОДИН
КОНСТАНТИН РАЙКИН

Ленинград

Город, где всё случилось впервые.

Первая — а значит, лучшая — половина жизни.

Первая школа, первый поцелуй, первая зарплата.

Первые сочинённые строчки, первые опубликованные.

Первое выступление. Первый автограф — расписался на подsunутой бумажке, восхищённый собственным величием.

Первая книжка. Первый звонок с «Ленфильма». Первая встреча с Райкиным.

Первое помнится долго.

Аркадий Райкин

Зеумное дело — быть ещё одним «воспоминальщиком».

Тысячи знали его дольше.

Сотни — лучше.

Не повториться, говоря о нём, невозможно. Восторженных эпитетов у меня не больше, чем у других. Но трудно и промолчать. Сколько, в конце концов, на нормального человека приходится встреч с гениями?

При личном знакомстве больше всего поразило, что он — есть. Оказалось, Аркадий Райкин — это не только где-то там, за облаками, в вышине, в телевизоре... Живой, оказывается. Сидит на стуле, переодевается, кушает ломтик очищенного яблока, смеётся тихонько. Вообще хохочущим его не помню. Чаще улыбался.

Артистизм определить невозможно. Бывают неартистичные артисты. Бывают артистичные неартисты. Он был августейшим воплощением артистизма. Его хотелось фотографировать в каждый данный момент времени. Говорят, у японцев есть такая

приправа — у этих японцев всё есть, — которая делает вкус курицы ещё «более куриным», вкус рыбы — ещё «более рыбным» и тому подобное. Вот в нём самом как бы была эта приправа. Он, казалось, сам себе постоянно подыгрывает. Если он уставал, перед вами был не просто усталый человек, нет, перед вами была картина «Усталость». Если он сердился — это было какое-то уже абсолютное негодование. Когда же он был грустен... О, вы видели саму Грусть, печально грустящую своими невыразимо грустными глазами...

Как-то в начале нашего знакомства он позвонил поздно вечером, около двенадцати. (Вообще, это льстило. «Тут мне вчера Райкин звонил...» Знакомые немели.)

— Вы ночная птица? — печально спросил он. — Вы сова или жаворонок?

— Сова, — ориентируясь на его интонацию, соврал я.

— Может быть, вы сейчас ко мне приедете? — ещё печальнее сказал он. — Если вам не трудно...

«Трудно!»

Мчусь к нему на Кировский.

Встретил слабой улыбкой. Посадил напротив себя за маленький столик. И вздохнул так печально, что у меня защипало в носу.

— Мишенька, — очень тихо сказал он, — боюсь, спектакль, который мы задумали («Его Величество Театр»), будет мой последний...

И скорбно умолк.

Я чуть не всхлипывал.

— Да-да, — произнёс он с печальнейшим в мире вздохом. — И поэтому я надеюсь, мы с вами сделаем его таким, что нам не будет стыдно.

«Мы с вами!» Он — со мной!.. Господи, да всё ему отдать! Душу! Кровь! Мозг! Немедля!..

Да-да, он чувствует, что только я один в целом свете сумею написать достойное вступительное слово к новому спектаклю... Другие авторы, конечно, не без способностей, но только моё перо...

Домой я летел на крыльях совы и жаворонка одновременно. Я признавал свою историческую миссию. «Только вы», — сказал он.

Я тогда очень старался. «Только вы».

Через неделю я узнал, что такой же разговор у него состоялся ещё с одним... И ещё с другим... Им он тоже печально сказал: «Только вы».

Зато он получил три полноценных вступительных монолога к новому спектаклю и сам скомпоновал из них один.

От кого ещё можно было стерпеть такое?

Но эти грустные глаза...

Он был влюбчив и внушаем. Влюблялся в нового автора, в артиста, в художницу, в критикессу, в режиссёра. Ещё чаще — в собственные идеи.

Как-то пришли в театр показываться два молодых артиста. Близнецы. Райкин в них немедленно

влюбился, его ужасно радовало, что они так похожи. Видимо, в голове у него возникли какие-нибудь виндзорские проказницы. Сейчас же близнецов приняли в труппу. Первые дни Райкин только о них и говорил. «Надо что-то с ними придумать, они же так похожи». Потом понемногу перестал говорить. Вскоре уже не знал, что с ними делать. Их пытались куда-то вводить, наряжали в какие-то костюмы, давали им какие-то реплики, всё это было нелепо и никому не нужно. И вот они его уже раздражали, безвинные близнецы. К счастью — для него, конечно, — их забрали в армию. Больше он о них не вспоминал.

Вообще, жизнь его актёров была непростая. С одной стороны, огромная удача — работать в театре, который обречён на успех. С другой — сознавать, что ты — лампа, пусть даже и яркая, когда рядом с тобой этот прожектор... Слабые скисали, сильные приспособлялись. Самые сильные уходили.

Поразительно, но он был ревнив к чужому успеху. Ревновал, стоя за кулисами, когда артисты его собственного театра заставляли смеяться зрительный зал. Великий! Уникальный! Он! Райкин!..

А вот ревновал.

Ревновал даже к молодёжному спектаклю «Лица».

То был первый в истории театра спектакль без его участия. Конечно, он хотел, чтобы всё получилось, — это был его театр, это были его актёры,

его сын, наконец, в главной роли. Но примириться с тем, что он не появится на сцене... Надо бы придумать, стал говорить он мне, чтобы он, Аркадий Райкин, хотя бы раз вышел с монологом где-нибудь в начале. Или в середине. Или в конце. Резко отвергать эту идею мы все — и я, и Валерий Фокин, который ставил спектакль, и Костя — боялись.

— Конечно, это было бы замечательно, — говорили мы. — Но ведь это будет несоразмерно, — говорили мы. — Ваш выход, — льстиво говорили мы, — уничтожит ребят, вы же — совсем другой масштаб...

«Масштаб» — это было нужное слово. Он нехотя соглашался. Но на следующий день его опять накручивал кто-нибудь из дежурных авторитетов — приятельница-театроведка, или старый друг, или новый знакомый. «Как! Спектакль вашего театра и без вас?!» И опять начинались муки.

Потом-то он уже гордился: «Лица» — это уже было его детище, это уже он взрастил смену, уже радовался. И всё же слегка ревновал...

Режиссёры в этом театре не приживались. Начиналось с того, что он с гордостью объявлял труппе фамилию приглашённого постановщика. «Гениально понимает специфику нашего театра!» Через месяц он уже слушал этого постановщика, поджав губы. Потом ронял в кругу артистов: «Совершенно не понимает специфики нашего театра». Артисты с жаром подхватывали: «Не, не понимает!..»

Режиссёр бесследно исчезал. Иногда успевал появиться второй. «Чувствует нашу специфику...» Всё повторялось.

Кончалось тем, что принимался режиссировать сам. С ним можно было не соглашаться. Но доказать ему что-либо было почти невозможно. Во-первых, он был упрям. А во-вторых, у него был козырной аргумент — он начинал показывать.

Однажды я оказался на репетиции, когда он вдруг стал показывать каждому актёру, как тот играет и как следовало бы играть. Я тогда понял буквальный смысл выражения «умереть со смеху». Я был близок.

Авторов — как бы к кому ни относился, а отношения бывали всякие, — считал людьми вспомогательными. Постоянно порывался сам менять текст, далеко не всегда к лучшему. Автор по большей части крепился, иногда не выдерживал. Я тоже пытался принципиальничать.

— Вы не так читаете, как написано, Аркадий Исаакович. Тут же мысль уходит...

— Куда же она уходит? — ласково отвечал он. — Не может же она уйти без меня, а я-то здесь...

Да, он был здесь.

Открывался занавес, и, вздымая овации, на сцену победно врывается этот флагман, этот линкор, в кильватере которого барахтались лодчонки авторов, до чьих суетливых страданий публике не было

никакого дела. Иногда мне казалось, что публике вообще не важно, что он говорит. Ей важно, что это говорит он.

Возможно, то было справедливостью высшего порядка.

У меня сохранилась уникальная афиша — предмет гордости, а больше стыда. Уникальная, потому что моя фамилия на ней — красным, а его — Райкина! — синим. То было давным-давно, в Ленинграде. Намечался мой авторский вечер, и я — молодой тщеславный осёл! — попросил его принять участие, почитать что-нибудь из нашего будущего спектакля.

«Вечер Михаила Мишина с участием Аркадия Райкина» — так я себе это представлял. Страшно радовался, когда он согласился.

И вот — вечер. Всё катилось более или менее нормально, я что-то там читал, артисты выступали, зал посмеивался, пару раз похлопали. А потом на сцене появился он.

«С участием!..» Назавтра мне звонили, поздравляли: «Говорят, ты вчера выступал на вечере Райкина...»

«Популярность», «известность», «признание» — применительно к Аркадию Райкину слова мелкие. Его окружала слава — несравненная и неизменная. Ответы её иногда падали на тех, кто оказывался рядом.

Как-то мы с ним ехали в одном вагоне «Стрелы» из Ленинграда в Москву.

Поговорили, разошлись по купе. Утром он рассказал, что к нему постучалась незнакомая дама, строго сказала: «Аркадий Исаакович, у меня для вас есть материал — вы обязаны это исполнять!» — всучила газетную вырезку с каким-то текстом и исчезла. Текстом был рассказик «Ступеньки», а его автором был я.

— Видишь, какие у тебя поклонницы, — сказал Райкин.

— Так может... — начал было я.

— Смешной текст, — промолвил Аркадий Исаакович.

Но исполнять не стал. Досадно.

Райкин. Фамилия — пароль, лицо — пропуск.

Куда только не ходили, о чём только не просили от его имени! «Билеты на Райкина» — это была твёрдая валюта, в течение полувека не знавшая девальвации. Ибо в течение полувека ни на одном спектакле с участием этого человека не было ни одного пустого стула. Назовите второй такой театр!

Слава была — до анекдотов.

Один ворвался перед спектаклем:

— Товарищ Райкин, умоляю! Я сам с Киева, а билетов же нет, я двое суток уже тут сижу!

Райкин даже испугался:

— Да? Ну ничего, сейчас я попрошу, вас посадят, может быть, в оркестровую яму...

Тот кричит:

— Да не, вы не поняли! Мне ж до Киева билет надо!..

Достали ему билет.

Переход от полной любви к полному её отсутствию у него мог быть мгновенным, с непредсказуемой логикой.

День сдачи «Его Величества» то ли главку, то ли министерству. Он — сплошной нерв. Всё плохо — нет, хуже, чем плохо. Спектакль провальный, жуткий, самый худший из всех его спектаклей. Это говорится так, что каждому ясно: именно из-за него спектакль такой провальный и жуткий.

За час до начала сижу в его гримёрной, делаю последнюю попытку уговорить его выбросить первую сцену. Она никогда мне не нравилась, к тому же она очень длинная, а спектакль и так идёт больше трёх часов. Вроде убедил! Он как-то даже успокаивается, говорит: «Хорошо, что ты меня уговорил, я и сам так думал». Велит помощнику передать, что начинать будем сразу со второй сцены.

Через секунду влетает в гримёрную артистка — очень в жизни милая женщина! — и закатывает истерику: как можно снимать единственно стоящую сцену (ну конечно, она же в ней участвует!),

когда без неё (сцены) всё рухнет, а главное, она (артистка) тогда не сможет (подумать только!) выйти в зелёном платье, которое ей специально сшили... Нормальный актёрский бред.

Начинаю с ней спорить, опасаясь, что Юпитер сейчас загрохочет громом и поразит несчастную молнией.

И молния вылетает. Юпитер бледнеет и тихим, страшным голосом объявляет, что тотчас же уезжает домой. Он и так уже на грани, но кое-кто решил добить его окончательно. И этот «кое-кто» — я. Ибо только враг мог покуситься на такую важную сцену, и вообще, «вам наплевать на наш театр!». Артистка умело испаряется, а я ошеломлён и оскорблён. Это почему же, интересно, мне наплевать? А потому, гениально шипит он, что он, Райкин, связан с этим театром сорок лет, а я...

А я — четыре. Это несокрушимый аргумент.

Трясаясь от обиды, выскакиваю из гримёрной, прячусь где-то в углу зрительного зала...

Ну потом-то всё как положено: овации, цветы, «Браво, Райкин!».

И вот уже меня по его велению нашли, и вот уже: «Мишенька, ты что, обиделся?»

Ну обиделся. И дальше что?

Я познакомился с ним, когда он был уже немолод, когда уже не было прежней феерической энергии, когда он стал уставать.

Но к тому времени, как заметил один из моих умных приятелей, сам выход его на сцену сделался событием не столько эстетическим, сколько этическим. В последние годы в конце каждого его спектакля зал вставал.

Он исключил однофамильцев. Кто-то сказал о нём: «Паганини эстрады». Никто не спрашивал, какой Паганини. Никто не уточнял, какой Райкин. Я видел у него дома письма с одной фамилией на конверте. Почта не ошибалась.

Как он прорвался? Как выстоял? Кто помнит теперь фамилии запрещающих, вычёркивавших, кромсавших...

По ленинградскому телевидению его в течение многих лет не показывали. У невыходивших он был в особой немилости. Даже меня как-то выкинули из какой-то невинной телепередачи только за то, что ведущий упомянул о моём сотрудничестве с Райкиным. Вообще, в любимой колыбели скопились тогда крепкие знатоки и покровители искусств. В Москве, впрочем, знатоков тоже хватало. На вечере по случаю его 70-летия представитель культурного министерства, вручая Райкину адрес, обратился к нему:

— Дорогой Аркадий Александрович!

Зал ахнул. А чего ахать было? Ну ошибся человек. Управляющий спутал ФИО одного из управляемых. Ничего страшного. Вот если б он спутал отчество, скажем, министра, назвал бы его, допустим, Петром Исааковичем...

Кромсали и вычёркивали, поучали и топали ногами. Короче, рвали струны. Но Паганини на то и Паганини — мог сыграть что угодно и на одной струне. Я-то, по счастью, видел его уже и в другие времена. Когда он был уже народный, а потом уже и лауреат, а потом Герой... Когда управленцы и управители управляли им уже очень почтительно.

Помню обсуждение спектакля «Его Величество Театр» товарищами из управления культуры.

Первый управитель сказал:

— То, что мы сейчас увидели, — гениально.

Второй его одёрнул:

— Не просто гениально, а в сущности, это новая эпоха!

Потом они долго спорили, кто Райкин больше — правофланговый или вперёдсмотрящий.

Райкин слушал не возражая. Он вообще не произнёс ни слова — от него веяло ледяным дыханием Арктики. Лишь в конце вежливо сказал «спасибо», заметив, что они не всё, к сожалению, поняли в его новом спектакле.

Они это съели.

Его участие в концерте, в передаче, да вообще в любом событии придавало событию то, что сегодня называется престижность. Райкина хотели все — особенно с чем-нибудь новеньким. Однако с номерами из ещё не сыгранных спектаклей он не выступал. Боялся, что к премьере утратят свежесть.

Литературно-художественное издание
Танымал ғылыми басылым

МИХАИЛ МИШИН С КЕМ СЕБЯ И ПОЗДРАВЛЯЮ

Редактор *Ю. Ларина*
Выпускающий редактор *Т. Маслова*
Художественный редактор *Н. Данильченко*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *И. Малыгина, Н. Быкова*
Компьютерная верстка *В. Ермак*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 04.02.2026.
Формат 84×110^{1/32}. Гарнитурa «CharterГТС». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,11.
Тираж 2000 экз. О-PRS-40759-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

